

ческих данных: частоты этой единицы, количества единиц с данной частотой, ранга лексической единицы и т. п. На основании информации, содержащейся в частотном словаре, могут быть построены статистические распределения определенного типа в зависимости от того, какая информация используется в качестве зависимой или независимой переменной. Основными среди них являются: полиномиальное распределение, ранговое и спектрное распределения. В полиномиальном распределении в качестве независимой переменной выступает варьирующее имя лексической единицы, а в качестве зависимой переменной ее частота; в ранговом распределении в качестве независимой переменной выступает ранг лексической единицы, а в качестве зависимой — соответствующая ему частота (имя в таком распределении «исчезает»); в спектрном распределении роль независимой переменной выполняет частота лексической единицы, а роль зависимой — число единиц, обладающих данной частотой.

Для перечисленных распределений лексикостатистические измерения осуществляются в определенной шкале: номинально-частотной (для полиномиального распределения), частотно-частотной (спектрное распределение), ординально-частотной (ранговое распределение). Каждому типу шкалы соответствует своя система описания и обобщения данных, в частности своя система обобщающих показателей. Назовем некоторых из них. Для номинально-частотной шкалы: мода (слово с наибольшей частотой), энтропия, максимальная при данном объеме словаря энтропия, мера упорядоченности — отношения энтропии к максимальной энтропии; для частотно-частотной шкалы: средняя частота, средняя геометрическая частота, медиана, золотое сечение; для ранговой шкалы: ранговое среднее, медиана по рангу, золотое сечение по рангу, коэффициент концентрации (отношение рангового среднего к объему словаря). С помощью перечисленных и некоторых других показателей достигается достаточно полное описание лексической организации каждого текста в отдельности и их совокупности.

Д. Бунчич

Кёльнский университет (Германия)

ПСЕВДО-АНАЛОГОНИМИЯ

«Ложные друзья переводчика»
как единица сопоставительной лексикологии

Понятие «ложных друзей» переводчика было введено Кёсслером и Дерокинью¹. Обращаясь к терминологии Соссюра, Хэйуорд и Мулен² определяют это понятие как два знака (слова) в разных языках, чьи означающие похожи, а означаемые — различны. Однако существует множество определений этого понятия. Некоторые филологи³ к этому понятию относят и явления без формального сходства (например, *мыть зубы из-за исп. lavar 'мыть; чистить' и такие варваризмы, как исп. *banana вместо platano 'банан') и случаи с одинаковыми значениями (орфографические, морфологические, синтаксические и т. п. «ложные друзья»). Для сопоставительно-

лексикологического анализа не стоит включать эти результаты лексической интерференции в категорию «ложных друзей». С другой стороны, многие лингвисты⁴ так же, как и Кёсслер⁵, исключают из числа «настоящих» «ложных друзей» этимологически не связанные слова (например, рус. пара — болг. пара 'пар').

Из-за этих разногласий в значении термина «ложные друзья» лингвисты, исследуя это явление, часто применяют термины из лексикологии, например, межъязыковые омонимы и паронимы⁶. Однако применение этих терминов в данном случае приводит к неверному предположению, что межъязыковые «омонимы» должны определяться так же, как и внутриязыковые омонимы, но идентичности написания и звучания, как требует дефиниция омонимии, между разными языками быть не может⁷.

Итак, мы принимаем предложение Хенгста⁸ называть слова в двух языках, которые сходны и по форме, и по содержанию, аналогонимами, а если они по содержанию отличаются — псевдо-аналогонимами⁹. Таким образом, большинство лингвистов, наверное, согласилось бы со следующим определением: псевдо-аналогонимы — это слова из двух (или более) языков, сходные по форме, но разные по содержанию. Чтобы найти более точную дефиницию, рассмотрим в данном определении каждое понятие.

1. Под словом слово в лингвистике можно понимать лексему, словоформу или фонетическое слово. Однако очевидно, что в сопоставительной лексикологии имеется в виду первое понятие, так что формальное сходство нужно установить между основными формами двух лексем. Таким образом, был бы возможен такой частичный псевдо-аналогоним, как:

серб. pod = рус. pod (предлог),

серб. pod = рус. пол (нижнее покрытие помещения).

Но, без сомнения, сербское слово pod 'пол' носитель русского языка не будет ассоциировать с предлогом pod, потому что эти слова в предложении находятся в совершенно разных позициях, а при дешифровке любого текста одновременно воспринимаются не только фонетические (или графические), но и синтаксические и семантические сведения, данные контекстом. Следовательно, псевдо-аналогонимами могут считаться только слова одной части речи¹⁰.

Основную форму лексемы трудно установить, когда грамматический строй двух языков сильно отличается. Например, основной формой русских глаголов считается инфинитив, а в болгарском и македонском языках инфинитива не существует. В словарях этих языков глаголы приведены в форме 1 лица единственного числа настоящего времени. В таких случаях следует сравнить другие характерные формы, из которых видно сходство парадигмы, или в крайнем случае — основы.

Носители русского языка часто допускают ошибку, говоря по-польски *Idę w szkołę вместо Idę do szkoły 'Иду в школу', потому что польские предлоги w и do не совсем соответствуют русским в и до. Однако в данном

примере наблюдается несоответствие грамматических функций этих слов, а не их лексических значений. А так как псевдо-аналогонимия является сопоставительно-лексикологической категорией, нужно исключить из нее служебные слова, не обладающие лексическим значением, и отнести их к области грамматической интерференции¹¹.

Здесь необходимо отметить, что лексическое значение не изменяется, когда слово употребляется в идиоматическом обороте. Поэтому польское слово *deszcz* является верным аналогонимом к рус. *дождь*, хотя на его месте оказывается слово *огонь* в обороте *spadać z deszczu pod gupę* 'попасть из огня да в полымя'. В таких случаях переводятся не слова, а целые идиомы.

2. Слово *язык* обычно противопоставляется слову *диалект*. Все же исключительно посредством лингвистического анализа эти два понятия не отличить, потому что, как справедливо отмечает М. Гёрлах, если сами говорящие «хотят воспринимать абсолютно разные речевые формы как варианты одного языка (например, в Китае) или минимально отличающиеся формы как различные языки (как недавно в случае сербского и хорватского языков), лингвист не может утверждать, что они не правы»¹². Во всяком случае, псевдо-аналогонимия наблюдается и среди вариантов одного языка, причем не важно, отличаются ли они диалектически (диалекты), диастратически (социолекты) или диахронически (например, древнегреческий и современный греческий язык). Поэтому следует употреблять слово *идиом*, которое покрывает все вышеперечисленные случаи.

3. Чтобы установить формальное сходство (конгруэнцию), на этимологию опираться нельзя. Некоторые авторы, в том числе К. Милан и Р. Зюнкель¹³, исключают такие классические примеры «ложных друзей», как нем. *kalt* 'холодный' и итал. *caldo* 'теплый', указывая на их этимологическую несвязанность. С другой стороны, рус. *пнуть* и нем. *spinnen* 'прясть' были бы псевдо-аналогонимами, а рус. *пост* и нем. *Fasten* были бы «верными друзьями»¹⁴. Тем не менее, переводческая практика требует классификации слова *пост* как псевдо-аналогонима к немецкому *Post* 'почта' и включения омонимов внутри одного языка в эту категорию:

хорв. *kor* (< фр. *corps*) = серб. *кор* 'корпус',
хорв. *kor* (< греч. *κόρος*) = серб. *хор* 'хор'.

Итак, определение псевдо-аналогонимии должно опираться на синхроническое сходство формы, т. е. фонетики или орфографии (так как неправильно толковаться может как устный, так и письменный текст¹⁵) или морфологии. Две формы могут оказаться сходными:

— или в силу их физического подобия, когда «звуковая разница — в пределах аналогичных фонем»¹⁶,

— или по соответствию «на основе уравнений, более или менее сознательно установленных биллингвом между двумя системами»¹⁷.

Например, украинская фонема /h/ больше всего похожа на рус. /х/, но соответствует русской фонеме /г/. На уровне морфологии (например:

хорв. *iz* — рус. *вы*.) наблюдается большая степень синонимии. Суффиксы **-tělъ*, **-arъ* и **-ьсь* — синонимичны во всех славянских языках, но русскому *писатель* соответствуют польск. *pisarz* и серб. *писац*.

Для установления фонетического подобия нужно принимать во внимание фонологическую систему сопоставляемого языка: сербские слова *луг* /lû:g/ 'щелочь', *лук* /lû:k/ 'лук (растение)' и *лук* /lû:k/ 'лук (оружие)' произносятся все по-разному, но носителем русского языка в силу интерференции они воспринимаются одинаково, т. е. как омофоны (как и рус. *луг* и *лук*).

4. Установить неэквивалентность двух слов, на первый взгляд, просто, хотя, строго говоря, согласно гипотезе Уорфа¹⁸ и Сэпира между двумя языками нет никаких «верных друзей» (кроме нормированных интернациональных терминов). На сегодняшний день в теории перевода принято считать, что слова — непереводимы, переводим лишь целый текст.

Поэтому следует отличать «важные» компоненты значения слова от «неважных». Попытка провести границу между денотатом слова и такими аспектами, как коннотация, ассоциация, стиль или прагматическое значение, оказалась безуспешной, потому что в реальных ситуациях любая часть значения может оказаться важной. Кажется, что единственной инстанцией, уполномоченной на решение этого вопроса, является сам язык перевода: каждый язык для себя решает, для каких различий ему необходимы разные слова. Значит, псевдо-аналогонимами можно считать только те аналогонимы, для которых в языке перевода существует более точный эквивалент.

Итак, определение псевдо-аналогонимии можно сформулировать более подробно: псевдо-аналогонимами являются лексемы из двух (или более) идиомов, которые относятся к одной части речи и характерные формы которых конгруэнтны на основе фонетического, орфографического или морфологического подобия или соответствия, для чьих лексических значений, однако, в языке перевода существует более точный эквивалент.

Примечания

¹ Kassler M., Derocquigny J. *Lex faux amis ou Les pièges du vocabulaire anglais*. Paris, 1928.

² Hayward T., Moulin A. *False friends invigorated // Lexeter '83 proceedings /* Под ред. R. R. K. Hartmann. Tübingen, 1984. С. 190.

³ Например: Gauger H.-M. «Falsche Freunde» zwischen dem Deutschen und dem Spanischen: Ein lexikalisches Problem für Lernende (und Lehrende) // Cartagena N., Gauger H.-M. *Vergleichende Grammatik Spanisch-Deutsch: Teil 2*. Mannheim, 1989. S. 582 ff.; Hayward T., Moulin A. *Op. cit.*

⁴ Milan C., Sünkel R. *Falsche Freunde auf der Lauer: Dizionario di false analogie e ambigue affinità fra tedesco e italiano*. Bologna, 1990. S. VII.

⁵ Kassler M. *Les faux amis des vocabulaires anglais et amérecain*. Paris, 1975. P. 11.

⁶ В защиту этой терминологии см.: Šipka D. *Rečnik srpsko-poljskih medujezičkih homonima i paronima: Słownik serbsko-polskich homonomów i paronomów*. Poznań, 1999. С. 12.

⁷ П. Браун, приводя еще другие аргументы, справедливо отмечает, что межъязыковую омонимию легко перепутать с так называемой интер-омонимией, где наблюдается омонимия слов, похожих по форме и содержанию, внутри нескольких языков, например: рус. *мат* (о фотографии: 'не глянецкий')/*мат* (в шахматах) — нем. *matt/matt* — фр. *mat/(éché et) mat* — серб. *мат/мат* (*Studien zur interlingualen Lexikologie und Lexikographie* // Под ред. Р. Браун, В. Шаедер, J. Volmert. Tübingen, 1990. S. 26 f.

⁸ Hengst K. Lehnwort — Internationalismus — Analogonim: Zur Semantik fachsprachlicher interlingualer Analogonime im Russischen und Deutschen: H. H. Bielfeldt zum 70. Geburtstag // *Zeitschrift für Slawistik*. 1977. S. 252.

⁹ Примеры псевдо-аналогонимов между славянскими языками можно найти в интернете по адресу: <http://www.uni-koeln.de/phil-fak/slavistik/fauxamis/index-ru.htm>.

¹⁰ Конечно, как замечает Фольмерт (*Studien zur interlingualen Lexikologie und Lexikographie*. S. 51), критерий частей речи неприменим к изолирующим языкам.

¹¹ Ср.: «Союзы и предлоги приведены только в порядке исключения, так как их различия носят достаточно сложный характер, определенный различиями грамматической системы обоих языков» (*Журавлев А. И., Захаров С. С.* «Ложные друзья» переводчика с чешского языка. М., 1977. С. 5).

¹² «[If the speakers] wish to regard widely divergent speech forms as varieties of one language (as in China), or minimally different as distinct languages (as recently in the case of Serbian and Croatian), the linguist cannot tell them they are wrong» (*Görlach M.* And is it English? // *Even more Englishes: Studies*, 1996—1997. Amsterdam, 1998. P. 2. — Первая публикация: *English world-wide*. 1996. N 17).

¹³ *Milan C., Zünkel R.* Op. cit. S. VII.

¹⁴ Ср.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 3-е изд. СПб., 1996: с. v. *пну, пост* I.

¹⁵ Ср.: *Маровић Р.* Лингвистика и поезика превођења (међусловенски превод). Београд, 1989. С. 22.

¹⁶ «...звукова різниця — у межах аналогічних фонем» (*Шаблій О. А.* Проблеми міжмовної омонімії (на основі німецької та української юридичної термінології): Магістерська робота. Київ, 1998. С. 22.

¹⁷ «...compte tenu des équations plus ou moins consciemment établies par le bilingue entre deux systèmes» (*Čemerikić J., Imart G., Tikhonova-Imart V.* Paronymes russo/serbo-croates («amis» et «faux-amis»). Aix-en-Provence, 1988. P. VI.

¹⁸ *Whorf B. L.* Language, thought, and reality: Selected Writings. Cambridge (Mass.), 1956.

Чен Куй Джунг

Санкт-Петербургский государственный университет

РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА В НОВЫХ СЛОВАРЯХ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Лингвистические исследования, посвященные русскому языку последних десятилетий XX в., отмечают, что русское общество встало на путь расширения границ литературного языка, изменения его состава, его норм. Отмечается тенденция к демократизации языка. В. Г. Костомаров пишет о

том, что в целом рассматриваемые приемы демократизации языка можно приветствовать, ибо они несут свежую струю ярких, истинно народных, насыщенных экспрессией элементов, разнообразящих речь. «Вероятно, еще важнее, что они позволяют индивидуализировать, выявлять личность, ценить своеобычность и нестандартность высказываний, ведут к открытости, открытости общения»¹.

Представляется научно интересным и важным рассмотреть лексику, которая пополнила состав русского языка в последнее десятилетие.

В анализируемую группу входят разговорные неологизмы. Под неологизмом понимается вся новая лексика, вошедшая в русский язык в последнее десятилетие. Разговорность их определяется словарной пометой «разг<оворное>».

Источником для анализа в статье является материал, отобранный из словаря русского языка, вышедшего в конце 90-х гг. XX столетия, — это ТСХХ, в котором «помета разг. (разговорное) характеризует сферу бытового, бытового непринужденного общения и маркирует лексику сниженной социальной и эмотивной характеристики» (ТСХХ, 21).

Для сопоставления привлекается материал из БТС и ТСРЯ для фиксации разговорных неологизмов в словаре последнего десятилетия. Отбираются слова с пометой «разг<оворное>». В БТС «разг. (разговорное) — для слов, употребляющихся как средство непринужденного общения, в том числе в деловой или официальной обстановке (БТС, 15). В ТСРЯ «(разг.), т. е. разговорное, означает, что слово свойственно обиходной, разговорной речи, служит характеристикой явления в кругу бытовых отношений; оно не выходит из норм литературного словоупотребления, но сообщает речи непринужденность» (ТСРЯ, 8).

Все слова, выбранные из ТСХХ, проверены также по МАС2 для установления хронологии появления их до 80-х гг. XX в. В МАС2 «разг, т. е. разговорное слово или значение, сопровождает слова (или значения слов), которые употребляются в живой, непринужденной, преимущественно устной, речи и в значительной своей части представляют синонимы с различными смысловыми и эмоциональными оттенками к словам книжным, литературным» (МАС2, 9).

Цель статьи: 1) сопоставить представленный в указанных словарях реестр отобранной разговорной лексики современного русского языка и ее семантику; 2) выяснить состав разговорных неологизмов и степень их употребительности в языке и речи.

Для удобства описания всю лексику необходимо разбить на несколько групп.

1. Лексика, отсутствующая в МАС2. В эту группу входят слова, образованные разными способами. Наиболее продуктивным является суффиксальный способ. В первую очередь опишем слова, образованные таким способом.

Кагэбэшник (*кагебешник, кэгэбэшник*)². Слово образовано от развернутой буквенной аббревиатуры (КГВ) *кагэба* + унификс *-шник*. Синони-